

именно этот аргумент¹²). Но Ломоносов мог в ответ сослаться на хорошо знакомую ему немецкую поэзию, где традиция связывала восходящие ямбические стопы с аффектом величия и грандиозности. Автор первой «правильной» оды на русском языке, Тредиаковский не стал основателем одического жанра в русской поэзии. Ямбические оды Ломоносова, исходный тезис которого был ошибочен, получили всеобщее признание и доставили ему лавры победителя.

Вернемся, однако, к 1743 г. Стихотворцы только приступали к созданию русской одической традиции и исследовали законы искусства, в соответствии с которыми им следовало ее творить. На встрече трех поэтов Ломоносов и Сумароков не приняли развернутые доводы Тредиаковского. Рациональные аргументы, как можно полагать, представлялись им недостаточными, ибо они не стали противооставлять им свои контраргументы. Вместо этого, «чтоб не показалось, что двое одного хотят преодолеть, и что притом сие дело не может решиться большинством <...> голосов», Сумароков предложил поэтам сочинить «некоторой высокой род стихотворения, а именно оду» (5). Ода должна была быть переложена из Псалтири, Сумароковым и Ломоносовым — ямбом, а Тредиаковским — хореем. Если индивидуальной эстетической оценки двух стихотворцев недостаточно, то рассудит литературный спор «свет», «все читающих общество». Ломоносов и Тредиаковский приняли предложение Сумарокова. Оды были анонимно напечатаны, к ним было приложено написанное Тредиаковским от имени участников диспута предисловие, поясняющее суть спора, и славянский текст псалма. Всего было напечатано 500 экземпляров (двести экземпляров — для продажи за счет Академии наук, триста — за счет авторов). Величина тиража позволяет предполагать, что в представлении трех стихотворцев число судей их спора из читающего общества должно было быть многочисленным.

К какому обществу на суд обращались поэты в «Трех одах»? Следует заметить, что адресат и прагматическая цепь были обозначены и в издании «Способа» 1735 г. Он обращен ко «всем высокопочтеннейшим особам, титулами своими превосходительнейшим, в российском стихотворстве искуснейшим и в том охотно упражняющимся».¹³ За это Тредиаковский удостоился похвалы А. Д. Кантемира: «Приложенный от остроумного ея сочинителя труд <...> наипаче <...> хвален, что с необыкновенною стихотворцам умеренностию представляет опыт свой к испытанию и исправлению тех, кои из нас имеют какое-либо искусство в стихотворстве».¹⁴ Из этих «особ» с уверенностью можно назвать Кантемира и с большой долей вероятности его наставника в стихотворстве И. Ильинского, Феофана Прокоповича (в библиотеке которого был

¹² См.: *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752, т. I, с. XVII—XVIII.

¹³ *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения, с. 365.

¹⁴ *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956, с. 407.